

Десять месяцев. Десять месяцев морской рыбалки вместо школы — мечта любого подростка. Десять причин прочитать заглавное произведение этого тома, «Отважные капитаны», о рыбаках Глостера, которые все эти долгие месяцы ловят треску со шхуны на банках Северной Атлантики. Случайно попавшего к ним отпрыска миллионера они между собой считают немного чокнутым балаболом, не веря в его рассказы о папе-богаче, заставляют драить камбуз и ловить треску на удочку со шлюпки наравне со всеми. Но, будьте уверены, юнга еще всех удивит...

Предоставим вам самим сложить мнение о морской прозе Киплинга. Впрочем, вряд ли даже самые искушенные в маринистике читатели после этого усомнятся, что Редьярд Джонович «в теме». Достаточно обратиться к его описаниям паровых машин, полным специальных знаний, сделавших бы честь любому старшему механику. Сейчас они уже считаются настоящим стимпанком. Один из рассказов я бы даже предложил продекламировать на занятиях по теории устройства судна в мореходных училищах. А вот описания шалопайского этикета младших офицеров и гардемаринов кают-компании на броненосном крейсере следует спрятать от курсантов подальше.

И сразу зреют догадки, чьими рассказами воодушевлялись русские маринисты Алексей Новиков-Прибой и Леонид Соболев. Конечно, в порядке гипотезы, но Алексей Сильич в эмиграции ходил в море на торговых британских судах и английский знал в совершенстве. Даже любовь умудренного опытом старшего механика торгового судна, дающего фору любому молодому капитану, к повествованиям могла быть заимствована именно из тогдашних рассказов Киплинга. А гардемарин Соболев был из последнего выпуска славного своим англофильством Морского кадетского корпуса. Да он просто обязан был читать «Флотские будни» в оригиналe, что позже, несомненно, сказалось на его романе «Капитальный ремонт» и ранних флотских рассказах. Пусть это всего лишь гипотезы, но очень уж близки стилистически произведения штатного корреспондента балтийской много-тиражки Соболева и Киплинга.

Но зададимся вопросом «откуда автор все это знал?». Ибо Киплинг, будучи писателем-маринистом, не был профессиональным моряком. Еще одна «всего лишь гипотеза», выдвинутая Ильей

Бузукашвили на страницах журнала «Человек без границ»: «У Киплинга и вправду был редкий дар — вживаться в души своих героев. Читая им написанное, трудно поверить, что он никогда не был ни колониальным чиновником, ни солдатом, ни мореплавателем. Возможно, этому, как и многому другому, его научила Индия...» — вытекает непосредственно из биографии скромного англичанина с душой индуза.

Джозеф Редьярд Киплинг родился в Бомбее в 1865 году в семье профессора архитектуры, скульптора. Говорят, своим вторым именем он обязан озеру Редьярд, на берегах которого познакомились его родители. Детство Джозефа Редьярда прошло в Индии, его детским впечатлениям мы обязаны «Книгой джунглей» про диких мальчиков и отважных мангустов. Только вот окончилось детство слишком рано. У жителей британских колоний тогда было принято отправлять детей учиться в Англию. И хотя его в очень раннем возрасте отправили в военное училище Британии, военным Редьярд так и не стал по причине плохого зрения. Зато стал журналистом, репортером, поэтом и прозаиком и, в конце концов, нобелевским лауреатом. После учебы в Англии он вернулся в Индию и работал репортером в колониальных газетах. Именно тогда Редьярд объездил весь Индостан, огромный разнообразнейший мир, где сейчас проживают полтора миллиарда человек, которые говорят на ста сорока девяти официальных языках, двадцать девять из которых насчитывают более миллиона носителей. Это пестрое разнообразие нашло свое воплощение в приведенной здесь книге репортажей «Флотские будни», стихах и сказках Киплинга. Его бременем было описать все это. Как журналист, он много путешествовал, не только по Индии, но и по Южной Африке, Японии, несколько лет жил в США у родственников жены, когда лопнул его банк и супруги остались без средств к существованию. Через несколько лет семья внезапно вернулась в Англию. Так что железнодорожные магнаты (тот самый папабогач из «Отважных капитанов»), сшивающие нитями железнодорожных путей разрозненные штаты, возникли в его произведениях не с потолка.

Но если и есть в этом томе рассказ с претензией на автобиографичность, то это «Морские констебли» — о мобилизованных на военную службу и вооруженных пушками паровых яхтах,

— Море было тихо в эту ночь, — сказал мальчик. — Если ты это называешь ветром, — он свистнул, — тогда ты мало смыслишь! Ну, живо иди! Отец ждет тебя!

Подобно многим плохо воспитанным юношам, Харви никогда в жизни не слышал приказаний, за исключением долгих рассуждений о добродетели послушания. Миссис Чейн жила в вечном страхе за свое здоровье, так как у нее бывали сильнейшие нервные припадки.

Харви возмутило это приказание.

— Твой отец может сам прийти сюда, если хочет говорить со мной. Я попрошу отвезти меня в Нью-Йорк и заплачу ему за это!

Дэн широко раскрыл глаза.

— Слышишь, отец, — вскричал он, — он говорит, что ты можешь сам прийти, если желаешь говорить с ним! Слышишь?..

— Не дурачься, Дэн, и пошли его ко мне!

Эти слова были произнесены таким низким голосом, какого Харви никогда и не слыхивал.

Дэн усмехнулся и бросил Харви его башмаки.

В интонации этого странного голоса было что-то, заставившее юношу сдержать свой гнев и утешиться мыслью, что он расскажет этим людям о богатстве своего отца. Когда он освободится от них и вернется домой, друзья будут считать его настоящим героем.

Он поднялся по лестнице на дек, споткнулся и подошел к сидевшему на ступеньках маленькому плотному человеку с чисто выбритым лицом и серыми глазами, которые сверкали под густыми хмурыми бровями.

За ночь волнение утихло. Море слабо плескалось. На горизонте белели паруса рыбачьих лодок. Шхуна тихо качалась на якоре, за исключением шкипера, на ней никого не было.

— Доброе утро! Добрый полдень, вернее сказать! Ты пропал круглые сутки, приятель! — таким приветствием встретили Харви.

— Доброе утро! — ответил он. Ему вовсе не понравилось название «приятель», так как, в качестве тонувшего, он рассчитывал на лучший прием. Его мать сходила с ума, если ему приходилось промочить ноги, а этот моряк даже не побеспокоился спросить его о здоровье.

— Ну-с, теперь послушаем, что ты скажешь! Кто ты и откуда?

Харви сказал свое имя, название парохода, на котором ехал, рассказал о своем приключении и попросил немедленно свезти его в Нью-Йорк, где отец заплатит за все.

— Гм, — произнес моряк, неподвижно выслушавший рассказ Харви. — Я не могу точно сказать, что мы могли подумать о человеке или, вернее, о мальчике, который падает с парохода, как сверток, при тихой погоде. Конечно, его извиняет, что он страдал морской болезнью...

— Извинение! — вскричал Харви. — Неужели я упал в воду нарочно, чтобы попасть на вашу грязную лодку?

— Не знаю, нарочно ли ты упал, друг мой, или нет, но знаю, что если бы я был на твоем месте, то не бранил бы лодку, которая волей Провидения спасла тебя от смерти! Во-первых, это не благочестиво, а, во-вторых, мне это неприятно. Я — Диско Троп, владелец шхуны «Мы здесь» из Глостера!

— Я этого не знаю и знать не желаю, — отвечал Харви. — Я очень благодарен за спасение и за все, и чем скорее меня доставят в Нью-Йорк, тем лучше — я заплачу!

— Сколько же?

Троп приподнял свои густые брови, под которыми светились кроткие голубые глаза.

— О, доллары, сотню долларов, — ответил Харви, восхищенный тем, что его слова произвели впечатление, — много долларов!

Он засунул руку в карман и похлопал себя по животу, чтобы придать себе величия.

— Вы никогда еще не заработали в своей жизни столько, сколько получите, доставив меня в Нью-Йорк. Я — Харви Чейн!

— Сын богача?

— О, если вы не знаете, кто такой Чейн, то мало знаете. Ну, поворачивайте шхуну и спешите!

Харви был убежден, что в Америке множество людей, мечтающих и завидующих долларам его отца.

— Может быть, я исполню твое желание, а может быть, и нет. Это зависит от меня. Я не собираюсь ни в Нью-Йорк, ни в Бостон. Только в сентябре мы увидим восточный берег, и твой отец — жалко, что не слышал о нем ничего, — может дать мне тогда десять долларов, если у него есть!

— Десять долларов! Вот...

которые охотятся на немецкие подводные лодки у берегов Британии во время Первой мировой. Киплинг был заядлым яхтсменом. Не спрашивай у британца, моряк ли он? Спрашивай, зарабатывает он в море фунты или тратит? В том, что Киплинг разделяет негодование и презрительность своих героев к «нейтралам» — судам под флагами невоюющих держав, которые в условленных точках в море заправляют топливом немецкие подлодки, — нет ни малейшего сомнения.

Все остальные рассказы этой книги на биографию автора не спишешь, разве что на его богатейший опыт и острый глаз репORTера. Некоторые из них переведены на русский впервые. Читайте, радуйтесь и попутно изучайте ТУС — теорию устройства судна. В жизни пригодится.

Антон Санченко,
писатель-маринист

ОТВАЖНЫЕ КАПИТАНЫ

ГЛАВА 1

Туман клубился над Атлантическим океаном. Большой пароход быстро шел вперед, резким свистом разгоняя на пути рыбачьи лодки.

Дверь в курительную комнату была настежь раскрыта.

— Этот мальчишка Харви совершенно несносен, — произнес человек в сером пальто, порывисто захлопнув дверь. — Вовсе нам не нужен здесь этот выскочка!

— Знаю я это воспитание. В Америке много таких господ! — проворчал сквозь зубы седоволосый немец, прожевывая сандвич. — Они плохо кончают!

— Ну... особенно тревожиться тут нечего, скорее, надо пожалеть его! — возразил обитатель Нью-Йорка, растянувшись во весь рост на подушках дивана. — Его таскали из отеля в отель, когда он был еще совсем ребенком. Сегодня утром я говорил с его матерью. Она очень милая леди, но совсем не умеет руководить сыном. Он отправляется в Европу, чтобы закончить свое образование.

— Это образование еще не начиналось! — раздалось из угла, где сидел, скрючившись, филадельфиец. — Мальчик говорил мне, что получает двести долларов в месяц карманных денег. Ему еще нет и шестнадцати лет.

— Его отец — железнодорожный туз? Не правда ли? — спросил немец.

— Да, и это, и рудники, и акции, и суда. Он заведовал постройкой в Сан-Диего и в Лос-Анджелесе, владеет полудюжиной железных дорог и позволяет жене проматывать свои деньги, — усталым голосом продолжал филадельфиец. — Запад не удовлетворяет богатую леди. И вот она кружит по свету со своим мальчиком

и своими расстроеными нервами. Побывали они и во Флориде, и в Адирондаке, и в Нью-Йорке и т. д. Мамаша желает позабавить своего мальчика. Когда он вернется из Европы домой, это будет сплошной ужас!

— Что хочет сделать из него отец?

— Стариk мечтал о многом и несколько лет тому назад осознал свою ошибку. Жаль, потому что в мальчике много хороших черт.

Дверь снова растворилась, и в комнату вошел стройный высокий мальчик лет пятнадцати, держа сигарету в углу рта.

Желтоватый цвет лица мало подходил его возрасту, а в его взгляде читались нерешительность, вызов и какая-то болезненность. Юноша был одет в куртку вишневого цвета, бриджи, красные чулки и велосипедные башмаки. Красная фланелевая шапочка была сдвинута на затылок. Свистнув сквозь зубы, он оглядел все общество и громко произнес:

— Туман порядочный... Около нас столпилось много рыбакских лодок... Не наехать ли нам на одну из них?..

— Закройте дверь, Харви, — сказал житель Нью-Йорка. — Закройте ее и уйдите. Вы нам не нужны!

— Кто запретит мне стоять здесь? — возразил юноша развязно. — Разве вы платили за мой проезд, мистер Мартин? Я имею такое же право быть здесь, как все другие пассажиры!

Он схватил фигуры с шахматной доски и начал перебрасывать их с руки на руку.

— Скучно, джентльмены! Не сыграть ли нам в покер?

Ответа не последовало. Харви пыхнул сигаретой, покачал ногой и забарабанил пальцами по столу.

— Как чувствует себя ваша мама? — спросил один из присутствующих. — Я не видел ее сегодня за завтраком.

— Она у себя, я полагаю. Мама почти всегда на море хворает. Я готов дать пятнадцать долларов служанке, чтобы она получше ухаживала за ней. Сам я редко спускаюсь вниз — не люблю проходить мимо этих лакейских чуланов. Вот я в первый раз пересекаю океан, джентльмены, и, кроме первого дня, я нисколько не был болен!

Юноша торжествующе махнул кулаком и собрался уходить.

— О да, вы, должно быть, высококлассная машина, — произнес, зевая, филадельфиец, — и будете пользоваться кредитом у себя дома!

— Я знаю это. Я, прежде всего, американец до мозга костей и буду им всегда. Проеду по Европе и покажу им себя. Ну!.. Сигаретка докурилась... Нет ли у кого из джентльменов настоящей сигары?

В эту минуту вошел главный механик, красный, улыбающийся, мокрый.

— Скажите, Макс, — закричал Харви весело, — как дела?

— Все идет обычным путем, — был серьезный ответ, — младшие почтят старших, а старшие стараются оценить младших!

Легкий стук послышался в углу. Немец открыл свой сигарный ящик и подал Харви прекрасную сигару.

— Вот, покурите, молодой друг! — произнес он. — Я могу доставить вам это удовольствие.

Харви зажег сигару, хотя чувствовал себя неловко в этом обществе взрослых.

— Однако начинает сильно качать! — проговорил он.

— Мы сейчас узнаем это, — возразил немец. — Где мы теперь, мистер Макдональд?

— Бродим вокруг да около, мистер Шеффер, — ответил инженер. — Сегодня ночью мы будем на Большой Отмели. Мы находимся среди рыбачьих лодок.

— Нравится вам моя сигара? — спросил немец Харви, глаза которого были полны слез.

— Прекрасная, ароматная сигара! — ответил тот сквозь зубы. — Мы, кажется, замедлили ход, не правда ли? Я пойду посмотрю, что показывает лот.

Харви зашагал по мокрой палубе к ближайшим перилам. Ему было скверно, но, заметив лакея, занимавшегося уборкой палубы, он поспешил дальше. Похваставшись, что никогда не страдал морской болезнью, Харви, из гордости не желая никому показать своей слабости, шатаясь, добрался до кормы. На деке¹ никого не было, и Харви едва добрался до фок-мачты. Здесь он замер от боли. Ему казалось, что голова его распухла, огненные пятна мелькали перед глазами, тело потеряло свой вес, а ноги выплясывали дикий танец. Юноша совершенно ослаб от морской болезни.

¹ Дек — палуба и пространство между палубами на парусном судне (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное).

Вдруг сильный толчок перебросил его через перила. Огромная серая волна, вынырнувшая из тумана, приняла его в свои материнские объятия... Зеленоватая глубина сомкнулась над ним. Харви потерял сознание...

Он очнулся от звука сигнала к обеду, подобного тому звуку, который слышал в летней школе в Адирондаке. Медленно припомнилось ему, что он — Харви Чейн, что он утонул в океане, но слабость мешала ему сосредоточиться. Холодная дрожь пробежала по спине, он вдохнул странный запах, его рот был полон соленой воды.

Открыв глаза, он заметил, что море серебристым пространством расстилается вокруг него, а он лежит на куче рыбы около человеческой фигуры, одетой в голубую вязаную куртку.

«Скверно! — подумал юноша. — Я умер, конечно, и все это мне просто мерещится».

Харви громко застонал. Человек повернул к нему голову, сверкнув парой золотых серег, едва видневшихся из-под нависших курчавых черных волос.

— Ну наконец! Чувствуешь себя лучше? — произнес он. — Лежи себе спокойно, лучше будет!

Легким толчком он столкнул лодку в море, не прерывая своего разговора и не обращая внимания на огромную волну, грозившую лодке.

— Ловко я поймал тебя! — продолжал он. — Ловко!.. Как это ты упал?

— Я был болен, — отвечал Харви, — и ничего не помню.

— Я трубил в рог, чтобы ваш пароход не наскоцил на мою шлюпку. Вижу, ты свалился. Я поймал тебя, как хорошую рыбку, и вот ты жив!

— Где я теперь? — спросил Харви.

— У меня. Зовут меня Мануэль, я со шхуны «Мы здесь» из Глостера. Скоро будем ужинать!

Казалось, у этого человека было две пары рук и железная голова. Он не удовлетворился тем, что трубил в свой рог, но испускал еще и резкий пронзительный крик, терявшийся в тумане. Харви не мог сообразить, сколько времени продолжалась эта забава, потому что в ужасе откинулся назад. Ему чудилось, что он слышит выстрел, звук рога и крики. Несколько голосов заговорили сразу.

Харви положили в какую-то мрачную нору, дали выпить чего-то горячего и сняли с него платье. Он крепко уснул.

Когда мальчик проснулся, то ждал звонка к первому завтраку на пароходе, удивляясь, что его каюта вдруг уменьшилась в размерах. Повернувшись, он увидал, что находится в узком треугольном углублении, освещенном висячей лампой. За столом, около печки, сидел юноша его лет, с полным красным лицом и серыми искристыми глазами, одетый в синюю куртку и высокие сапоги. Несколько пар такой же обуви, старая шапка и носки лежали тут же, на полу, вместе с черными и желтыми вощанками. Всевозможные запахи смешивались тут: особенный, присущий вощанкам, запах вместе с запахом свежей и жареной рыбы, краски, перца и табака. Над всем этим царил запах судна и соленой воды. Харви с отвращением заметил, что спал без простынь и лежал на грязном мешке. Движение шхуны не походило на движение парохода. Она скользила и вертелась, шум воды долетал до его ушей, и волны тихо рокотали около киля. Все это привело юношу в отчаяние и заставило его вспомнить о матери.

— Лучше себя чувствуешь? — спросил его мальчик, усмехаясь. — Хочешь кофе?

Он принес полную чашку черного кофе.

— Разве у вас нет молока? — произнес Харви, оглядывая ряд скамеек, словно ожидая найти там корову.

— У нас не бывает ничего подобного до половины сентября, — возразил мальчик. — Кофе хороший, я сам заваривал!

Харви молча выпил чашку, затем мальчик принес ему блюдо с ломтями свинины, которую он с удовольствием съел.

— Я высушил твоё платье, — сказал мальчик, — оно все сморщилось. Повернись-ка, я взгляну, не ушибся ли ты?

Харви вертелся в разные стороны, не помня себя от обиды.

— Ничего! — весело произнес мальчик. — Теперь иди на дек. Отец хочет взглянуть на тебя. Я его сын, Дэн, я помогаю повару и исполняю всю черную работу. С тех пор как уехал Otto — он был немец, ему было двадцать лет, — здесь не осталось мальчиков, кроме меня. Как это тебя угораздило свалиться в море в такую тихую погоду?

— Вовсе не тихую, — сердито возразил Харви. — Было ветрено, я страдал морской болезнью, меня перебросило через перила!